

Александра
Осиповна
Смирнова-
Россет.
Портрет работы
Ф.-К. Винтер-
гальтера. 1837 г.

Владимир Енишерлов,
писатель

Свидетели времен минувших

«Наша память с детства хранит веселое имя — Пушкин», — сказал в речи «О назначении поэта» Александр Блок. «Память хранит...» — как много скрывается за этими словами. Пушкин давно уже стал для нас не только выдающимся художником, чьи книги выходят поистине фантастическими тиражами — и все их мало! — но и человеком, жизнь которого мы переживаем вновь и вновь как жизнь близкого, со всеми ее радостями, слезами, взлетами и падениями. И не только сам Пушкин, но его родные, друзья, знакомые — словом, все, что объединяется именем «пушкинский круг», становится объектом пристального внимания и изучения. В этом нет того страшного «любопытства толпы», которого боялся поэт. Любовь к Пушкину совершенно исключительна и благородна. И нет в нашей истории поэта, художника, писателя, жизнь которого была бы изучена так досконально. Но нет и поэта, художника, писателя, земное бытие которого хранило бы еще столько тайн. Пушкин бесконечен, и всякое новое открытие пушкиноведения лишь приближает нас к бесконечности. Но задумаемся, как часто именно через Пушкина и его окружение познаем мы прошлое нашей страны, — «пушкинское время» едва ли не самый известный, и не только специалистам, отрезок отечественной истории XIX века. Это понятие исторически, ибо, как точно сформулировал профессор Ю. М. Лотман: «В редкую эпоху личная судьба человека была так тесно связана с... судьбами государств и народов — как в годы жизни Пушкина», объясним этот феномен и психологически.

«При имени Пушкина, — писал Гоголь, — тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным, это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его раз-

витии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в той же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

И вот почти сто пятьдесят лет люди изучают Пушкина, стремятся проникнуть в его тайну, приблизиться к его гению. А значит — как прозорлив был Гоголь! — стремятся познать русскую душу и русский характер, погрузиться в очарование русской природы и постичь всю лежащую за нами историческую цепь.

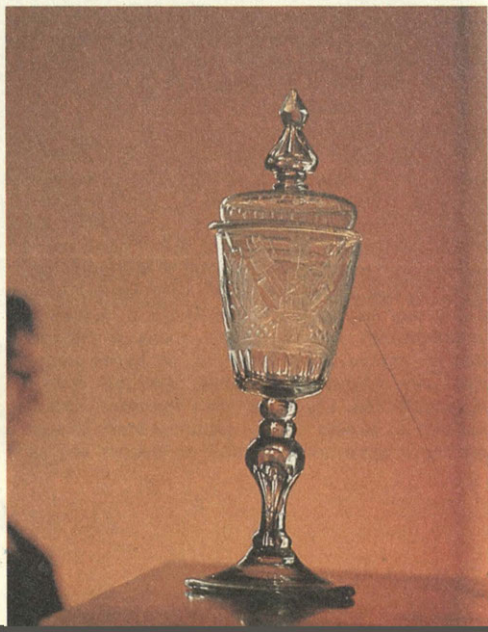
Потому такое пристальное внимание привлекают памятники пушкинской эпохи — мемориальные вещи, книги, портреты, документы — словом, все, что хоть в какой-то мере связано с именем Пушкина или близких ему людей. Совершенно великолепно озерелье мемориальных пушкинских мест в нашей стране. Музеи поэта в Ленинграде, Москве, пушкинское кольцо Верхневолжья, наконец, бессмертное Михайловское и Святогорский монастырь воочию свидетельствуют о любви и внимании к русскому национальному гению. И все же неумолимый бег времени делает все более и более фантастичным открытие новых, неизвестных еще вещей, связанных с Пушкиным и его кругом. Тем более фантастичным кажется создание нового мемориального музея пушкинской эпохи, целиком основанного не на собранных в результате длительных специальных поисков по всей стране и за рубежом раритетах, а на едином собрании редчайших памятных вещей пушкинского времени, причем собрании не коллекционным, а семейном, бытовым, лишь теперь на изломе XX века превращающемся в музей. О том, сколь поразительно и уникально такое собрание, говорит хотя бы такой факт. В Москве, на Арбате, открывается мемориальный Музей-квартира Пушкина. Знания, интуиция, искусство музейных работников помогли воссоздать в старом доме Хитровой атмосферу пушкинской эпохи. Но ведь на самом деле от обстановки, мемориальных вещей, от «материального мира», сопровождав-

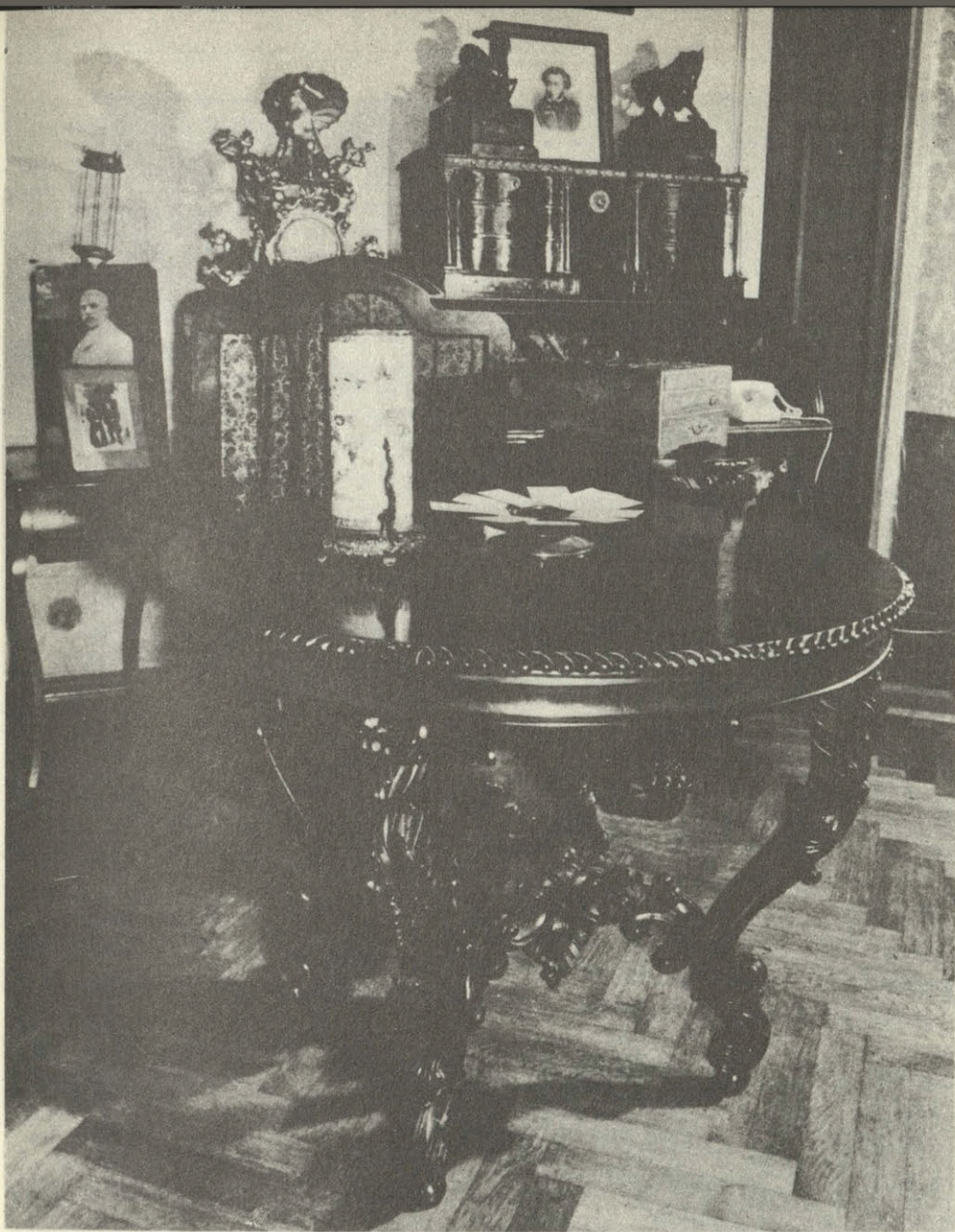

А. О. Смирнова-Россет.
Скульптор
К. Вичман

шего жизнь поэта с молодой женой на «Арбате в доме Хитровой», не осталось буквально ничего. Чудом сохранился лишь перестроенный, теперь бережно отреставрированный дом. И тем не менее мы благоговейно проходим по его комнатам, погружаясь в истинный «пушкинский микромир». Какая-то тайна есть в этих стенах, тайна, одухотворяющая все остальное. А теперь представим себе, что обстановка единственной квартиры Пушкина в Москве дошла до наших дней в неприкосновенности, и мы бы увидели подлинные вещи, среди которых в течение пяти месяцев жил поэт в Москве. И без того сильное эмоциональное воздействие музея увеличилось бы многократно. Увы, повторю, вещи из дома Хитровой не дошли до нас. Вообще сохранность таких собраний маловероятна, а находка их подобна чуду. Однако чудеса порой случаются.

Этот
хрустальный
кубок держал
в руках
А. С. Пушкин

...Уже не в первый раз поднимаюсь я по крутой деревянной лестнице небольшого особняка на старой живописной улице в Тбилиси. Но как только открываю дверь одной из комнат, всякий раз замираю в изумлении. Казалось, и не шел только что по шумному, заполненному машинами и вечно спешащими моими современниками южному городу конца XX века, — здесь тишина, в невиданных канделябрах свинцового стекла горят свечи, отражаясь в высоких зеркалах; на старинном пианино раскрыты ноты «Пиковой дамы»; книги в кожаных и полужкожаных переплетах; альбомы с рисунками, гравюрами и фотографиями разложены на столах красного дерева; секретер с изящными инкрустациями притягивает взор необычной причудливой формой. А с портретов загадочно смотрит красивая молодая женщина со жгучими черными глазами, которые так и

хочется назвать очами. Это о ней писал когда-то шутливо Пушкин:

*Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти,
Те, те, те и те, те, те...*

Мы находимся среди невероятным образом сохранившейся в бурях и невзгодах XX века обстановки знаменитого петербургского литературного салона Александры Осиповны Смирновой (урожденной Россет). Какие люди прикасались к этой старине, какие голоса слышала она! Пушкин и Гоголь, Жуковский и Вяземский, Лермонтов и Тютчев выносили на суд хозяйки свои произведения и со вниманием прислушивались к мнению Александры Осиповны, одной из замечательнейших и образованнейших русских женщин. У нее

За этим столом в салоне А. О. Смирновой-Россет собирались замечательные представители отечественной культуры

любил бывать Тургенев, Аксаковы, Хомяков, Туманский, А. К. Толстой, Соболевский, Полонский. Подумать только, ведь именно среди этих вещей Гоголь читал свои произведения Пушкину!

Подлинную частицу пушкинского Петербурга, живую память минувшего ощущаешь, переступая порог этого дома. Мне кажется, что даже самый лучший мемориальный музей не несет того дыхания эпохи, которое чувствуешь здесь. Ибо тут все настоящее, живое; все, помнящее знаменитую хозяйку и ее великих друзей.

— Но как же все это оказалось в Тбилиси? — обратился я как-то к тому, кто бережно хранил эту драгоценность, правнуку А. О. Смирновой, филологу, Михаилу Георгиевичу Смирнову. — Почему обстановка петербургского салона пушкинской эпохи с берегов северной Невы перекочевала на берега горной Куры?

— О, это давняя и сложная история, — рассказывал Михаил Георгиевич, — и связана она прежде всего с научными интересами моего деда, сына Александры Осиповны. Михаил Николаевич Смирнов был крупным ученым-ботаником, одним из виднейших исследователей кавказской флоры. С конца прошлого века Смирновы живут в Тбилиси. Михаил Николаевич и перевез в Грузию вещи, книги, портреты и бумаги матери. Все поколения нашей семьи, как святыню, берегли их. Мы всегда сознавали историческую и культурную ценность этих реликвий. Сохранилась, как известно, лишь малая часть вещей друзей Пушкина. Как драгоценность хранятся они в музеях и частных коллекциях, но лишь в Тбилиси, в доме Смирновых, находится столь полное собрание. Почти в первоизданном виде хранится здесь обстановка знаменитого литературного салона пушкинской эпохи. Вот, например, секретер, за которым, по преданию, Александра Осиповна писала свои знаменитые записки. Своей рукой. Пушкин, высоко ценивший литературные способности Смирновой и ее знание света и людей, вписал на первой странице подаренного ей альбома: «Исторические записки А. О. С.». Кстати, за этим секретером уже здесь, в Тбилиси, очень любил сидеть выдающийся грузинский писатель и общественный деятель Илья Чавчавадзе. Он часто бывал в доме Смирновых, здесь он отметил и столетие со дня рождения Пушкина.

Вообще этот дом со временем стал одним из центров русско-грузинских литературных связей. Часто среди вещей и книг, помнящих Пушкина, собирались прогрессивные писатели и мыслители Грузии — Нико Николадзе, Давид Эристави, Григол Орбелиани... Именно в доме Смирновых было задумано и в 1922 году осуществлено первое академическое издание произведений Николаза Бараташвили. Смирновы на свой счет выпустили произведение великого грузинского поэта. И иногда заседания комиссии по изданию произведений Бараташвили велись за тем же круглым столом, за которым когда-то собирались великие русские друзья Александры Осиповны.

А ее правнук, Михаил Георгиевич, с которым было так интересно и поучительно ходить по этому сказочному дому, уже спешил в другие комнаты. Он с гордостью показывал

великолепные портреты Александры Осиповны. Об одном из них, в маскарадном костюме, выполненном художником Ф. К. Винтергалтером, вспоминает в своих мемуарах Я. П. Полонский. А как хороши, как передают характер Смирновой портреты работы профессора Реми, созданные при жизни Пушкина в 1836 году, и ее скульптурный портрет работы К. Вичмана. «Самовластную красоту» и пронзительный ум этой незаурядной женщины сумели уловить художники.

Прекрасную коллекцию русских хрустальных кубков, собрание бронзовых юбилейных медалей, альбомы с рисунками, гравюры,

Пианино, на котором играл П. И. Чайковский

А. О. Смирнова-Россет. Акварель 1820-х гг.

родовые иконы и, конечно, книги — все это М. Г. Смирнов показывал охотно, открыто, отлично понимая значение этих реликвий для русской культуры.

Однажды он передал мне список сохранившихся книг из библиотеки А. О. Смирновой. В нем 204 названия. К сожалению, пока еще эта библиотека не разобрана, тщательно не просмотрена и не описана. А хранит, несомненно, немало интересного. В ней есть ряд книг пушкинского времени, написанных общими знакомыми Пушкина и Смирновой. Например, два тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, «Илиада» Гомера в переводе Гнедича, первое издание 1829 года. Судя по владельческим надписям, некоторые книги принадлежали Н. Киселеву, это имя тоже хорошо известно в пушкинском кругу. Библиотека А. О. Смирновой, безусловно, сулит новые и, быть может, немаловажные открытия.

А. О. Смирнова-Россет. Портрет работы профессора Реми

— Все, все это должно принадлежать государству, — говорил Михаил Георгиевич Смирнов, показывая свои сокровища. Он много думал о том, как будет существовать дом Смирновых без него. «Я надеюсь, — писал он мне в одном из последних писем, — что жизнь дома, где вот уже более века хранятся вещи пушкинской поры, будет продолжаться, и на грузинской земле останется он памятником нашему великому соотечественнику, памятником и действенным проводником идей дружбы русского и грузинского народов. И поэтому я завещаю пушкинский мемориал, сохранившийся в доме Смирновых, государству». Михаил Георгиевич Смирнов честно выполнил свой долг гражданина. Сейчас на основе уникального собрания реликвий пушкинской эпохи в Тбилиси создан Дом литературных взаимосвязей — пушкинский мемориальный музей при Главной редакционной коллегии по художественному переводу и литературным взаимосвязям. И вот я иду по дому Смирновых уже без хозяина и слышу голоса былого, которые так явственно звучат в этих стенах.

* * *

Один из февральских вечеров 1837 года Андрей Николаевич Карамзин, живший тогда в Париже, проводил, как обычно, у Смирновых — Николая Михайловича, русского дипломата, и его жены Александры Осиповны. Вдруг подали письмо из Петербурга. Здесь же, за столом у Смирновых, Карамзин вскрыл его, прочел и вскрикнул. С родины сообщали о гибели Пушкина.

Эта весть острой печалью пронзила друзей поэта, собравшихся в Париже. «У Смирновых обедал Гоголь, — писал А. Карамзин матери. — Трогательно и жалко смотреть, как на этого человека действовало известие о смерти Пушкина. Он совсем с тех пор не свой...» Добрый приятель поэта Н. М. Смирнов прямо назвал Пушкина самой замечательной личностью в России, что вызвало негодование у многих верноподанных сотрудников русского посольства; а Александра Осиповна горько рыдала, оплакивая человека, который так ценил ее дружбу, обаяние, ум. Именно Пушкин глубже всех постиг душу этой удивительной женщины и создал поражающий красотой и психологической глубиной ее знаменитый поэтический портрет:

*В тревоге нестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.*

Поэт оставил эти стихи в 1832 году в день двадцатитрехлетия Александры Осиповны на первой странице подаренного ей альбома, в котором, как считал он, хозяйка должна писать свои «Исторические записки».

О подробностях смерти Пушкина сообщал ей в Париж Вяземский: «Что скажете вы о страшном несчастье, обрушившемся на наши головы, как громовой удар, когда мы менее всего того ожидали... Умирая, Пушкин продиктовал записку, кому он что должен; вы там упомянуты. Это единственное его распоряжение...» Ответное письмо А. О. Смирновой многое говорит о ее уме и сердце: «Вы меня забываете, хотя вы должны были бы сообщить мне еще несколько подробностей о горестном событии. Правда, для друзей Пушкина и для друзей России все уже сказано. В сегодняшней «Revue de Paris» есть статья «Legendes des poètes». В ней упоминаются все великие гении: все они несчастные, преследуемые или обществом, или правительством, не признанные, оклеветанные, умирающие в тюрьмах или в нищете. В статье не упоминается Пушкин, а, однако, ничего нет более раздирающе-поэтического, как его жизнь и его смерть. Я так же была здесь оскорблена и глубоко оскорблена, как и вы, несправедливостью общества. А потому я о нем не говорю. Я молчу с теми, которые меня не понимают. Воспоминание о нем сохраняется во мне недостижимым и чистым. Много вещей имела бы я вам сообщить о Пушкине, о людях и делах, но на словах, потому что я побиваюсь письменных сообщений».

Вместе с немногими настоящими друзьями Пушкина понимала она его истинное значение для России. «Одно место в нашем кругу пусто, — писала она, узнав о гибели поэта, — и никогда никто его не заменит. Потеря Пушкина будет еще чувствительнее со временем. Вероятно, талант его и сам он развились бы с новой силой через несколько лет».

Так кто же такая была Александра Осиповна Смирнова, оставившая нам литературные мемуары необычайной ценности, женщина, к которой обращали стихи лучшие русские поэты, причем посвящая ей не обязательные для XIX века комплиментарные мадригалы, а такие глубокие и серьезные строки, какие, например, создал Лермонтов:

*Без вас хочу сказать вам много,
При вас я слушать вас хочу;
Но молча вы глядите строго,
И я в смущении молчу.
Что ж делать?.. Речью неуклюжей
Занять ваш ум мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...*

«Кто такая была Смирнова — об этом в России не знают только люди или безграмотные, или совсем равнодушные к литературе и к истории русского общества», — замечал бывший одно время воспитателем сына А. О. Смирновой Михаила поэт Яков Петрович Полонский.

Если мы перечитаем все стихи, посвященные Александре Осиповне, а их много — и прекрасных! — то убедимся, что там воспевается не только ее удивительная южная красота, но чаще ее своеобразная, яркая личность. Хорошо это чувствуется в строках Сергея Соболевского:

*Не за пышные плечи,
Не за черный ваш глаз,
А за умные речи
Полюбил бы я вас.
По уму вы плутовка,
По душе вы дитя...*

«...Я все готов был простить Смирновой за ее ум, правда, парадоксальный, но все-таки ум, и за ее колоссальную память, — вспоминал Полонский. — Чего она не знала? На каких языках не говорила?»

Не случайно, конечно, Пушкин и Гоголь так любили беседовать с ней, считались с ее

Приятель
А. С. Пушкина
Н. М. Смирнов

суждениями, поражались точности и остроте ее мысли, с восхищением слушали ее рассказы.

Александра Осиповна родилась 6 марта 1809 года в Одессе. Отец ее — француз, принявший русское подданство и служивший в русской армии Осип Иванович Россет, мать — Надежда Ивановна Лорер (сестра декабриста Н. И. Лорера). По матери она была в родстве с известным остроловом, грузинским князем Цициановым, о котором Пушкин замечал, что «всякое слово вольное, всякое сочинение возмутительное приписывается мне, как всякие остроумные вымыслы князю Цицианову». В. И. Шенрок в статье «А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь» отмечал, что «от Россетов она унаследовала французскую живость, восприимчивость ко всему, остроумие; от Лореров — изящные привычки, любовь к порядку и вкус к музыке, от грузинских своих предков — лень, пламенное воображение, глубокое религиозное чувство, восточную красоту и непринужденность в обращении». А дочь Александры Осиповны, Ольга Николаевна Смирнова, писала: «Я должна заключить, что в грузинках я замечала одно качество моей матери — прямоту, достоинство и отсутствие всякого тщеславия».

Портрет
декабриста
Н. И. Лорера

Детство Александры Осиповны прошло в крохотном небогатом именье ее бабушки Грамаклея, неподалеку от Николаева. Здесь она была погружена в простой патриархальный быт, упоительную малороссийскую природу и песни, непринужденность и естественность семейных отношений. «Я никогда не любила сад, а любила поле, не любила салон,

а любила уютную комнатку, где незатейливо говорят, что думают, т. е. что попало». Но судьба внесла резкий перелом в жизнь девочки. Матери удалось поместить ее в петербургский Екатерининский институт. Но то, что вошло в душу в детстве, не забылось. Мало кто, например, владел в ту пору таким ярким, сочным, естественным русским языком, как Александра Осиповна. «Нас в институте наказывали за то, что не говорим по-французски, — вспоминала она в «Автобиографии». — Делай, что хочешь, а от отечественного языка не отучишь. Мысль ложится сама, без спроса. Плетнев рассказывал нам какой-нибудь исторический факт, и тут при нем же мы должны были писать. Он говорил, что мой слог лучше (других), потому что очень простой». Чуткий к талантам, Плетнев преподавал в институте русскую словесность. От него узнала Александра Россет еще до личного знакомства с Пушкиным «Руслана и Людмилу», «Кавказского пленника», «Онегина», «Бахчисарайский фонтан». На выпускном экзамене в институте Александра Осиповна читала «Фонтан у Бахчисарайского дворца». Она пронесла дружескую привязанность к Плетневу через многие годы. «Россети вижу часто, — писал Плетневу Пушкин в августе 1831 года, — она очень тебя любит, и часто мы говорим о тебе».

Окончив курс и став фрейлиной двора, совсем юная Россет не побоялась обратиться к императору с ходатайством о смягчении участи своего дяди, декабриста Н. И. Лорера. Она спасла его от ссылки в Мертвый Култук и неминуемой гибели. Не раз в дальнейшем Александра Осиповна использовала свое влияние при дворе, чтобы помогать гонимым и притесняемым друзьям.

С Пушкиным Александра Осиповна познакомилась зимой 1828/29 года, видимо, на танцевальном вечере у Карамзиных. Они танцевали мазурку, разговорились, и Пушкина, как и многих, поразила ее превосходный русский язык. «Как вы хорошо говорите по-русски», — сказал он. Так началось их сближение. Через фрейлину Россет передает Пушкин императору Николаю свои произведения, например, восьмую главу «Онегина», они видятся довольно часто. Но поначалу стиль их отношений был скорее шутливо-дружеским, чем серьезным. Об этом много-много позже искренне сказала сама Александра Осиповна Бартеневу. «Вы денили Пушкина, и он вас?» — спросил Бартенев. «О, нет, — ответила она прямодушно, как всегда отвечала. — Ни я не ценила его, ни он меня. Я смотрела на него слегка, он много говорил пустяков; мы жили в обществе ветреном. Я была глупа и не обращала на него особенного внимания».

Их во многом поверхностные в эти годы отношения лишь позже перешли в подлинную серьезную дружбу. А тогда Пушкин был увлечен Анной Олениной, и не случайно в ответе на стихи князя Вяземского, посвященные Александре Осиповне, противопоставляет он задумчивую красоту Олениной восточной красоте Россет.

*Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стижами,
Ее черкесские глаза.*

*Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!*

В 1831 году, когда Пушкин с Натальей Николаевной проводили лето в Царском Селе, где находился и двор, поэт часто виделся с Жуковским и Россет. Здесь же Пушкин представил Александре Осиповне Гоголя. Эта встреча в дальнейшем определила очень многое в ее жизни. Видимо, именно в Царском начала сознавать Александра Осиповна истинное значение Пушкина, об исключительности которого она позже говорила так: «Ни в ком не было такого ребяческого благодушия, как в Жуковском. Но никого не знала я умнее Пушкина. Ни Жуковский, ни князь Вяземский спорить с ним не могли — бывало, забьет их совершенно».

Я. П. Полонский записал рассказы Александры Осиповны о Пушкине. По утрам она заходила на дачу Китаева, где жил поэт. После купания с мокрыми курчавыми волосами лежал он обычно в коричневом сюртуке на диване. В то время он писал сказки и иногда читал их, спрашивая мнение жены и Александры Осиповны. Часто Пушкин говорил им: «Ваша критика, мои милые, лучше всех, вы просто говорите: этот стих нехорош, мне не нравится». Они были молоды и веселы. Вечером Пушкин и Наталья Николаевна ходили гулять вокруг озера, иногда Россет заезжала за ними на дрожках, и все ехали кататься. Пушкин бывал тогда необыкновенно весел и забавен, вспоминала Александра Осиповна.

Как-то она сказала Пушкину: «Мне очень нравятся ваши стихи «Подъезжая под Ижоры».

— Отчего они вам нравятся?

— Да так, — они как будто подбоченились, будто плясать хотят.

Пушкин очень смеялся.

— Ведь вот, подите, отчего бы это не сказать в книге печатно — «подбоченились», а вот как это верно. Говорите же после этого, что книги лучше разговора».

В конце июля Александре Осиповне Россет было дано разрешение выйти замуж. «Она гласно сговорена. Государь уж ее поздравил», — сообщил Пушкин Плетневу 3 августа 1831 года. А Жуковский писал А. И. Тургеневу: «Мы с Пушкиным вместе проживаем в Царском и вместе проводим вечера у смуглой царскосельской невесты».

Ее жених Н. М. Смирнов был давним товарищем Пушкина. Он был богат, подолгу жил за границей, отличался честностью, благородством, но порой бывал вспыльчив до бешенства. Его предок по матери — первый сержант Петровской эпохи Бухвостов. Известно, как Пушкин интересовался Петром I и всем, что касалось его времени. Поэтому он был поражен, когда Александра Осиповна рассказала ему, что в день свадьбы муж передал ей прекрасное распятие, принадлежавшее его матери, «оно работы Алгарди, испанца, который делал навесы над сводами в соборе св. Петра. Распятие это было подарено Петром Великим предку моей свекрови Бухвостову... Пушкин ответил мне, — пишет Александра Осиповна, — я слишком люблю и уважаю Смирнова, чтобы завидовать ему, но распятие, данное Петром Великим, стол с

Как и полтора
века назад, горят
свечи